© 2010 г

МАЛООБЕСПЕЧЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. Е. ТИХОНОВА

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна - доктор социологических наук, зам. директора Института социологии РАН, профессор ГУ-ВШЭ (E-mail: netichon@netu-net.ru).

Ключевые слова: малообеспеченные * бедные * профессиональный статус * человеческий/культурный капитал * социальный ресурс уровень жизни * мобильность

Проблемы методологии анализа малообеспеченности и некоторые ключевые особенности положения малообеспеченных в современной России, рассмотренные в предыдущей статье ("СОЦИС", 2008. N 10), оставили без ответа вопрос - как связана малообеспеченность со структурными позициями, занимаемыми индивидами в системе производственных и в целом рыночных отношений?[1] В этой связи важно прежде всего оценить специфику профессиональных позиций малообеспеченных, а также тех активов, которыми они располагают и которые могут предложить на рынках труда, капитала, товаров и услуг (обратной стороной этой проблемы выступает уточнение характера самих этих рынков - от их пространственной локализации до спектра). Начнем анализ с **профессиональных статусов** малообеспеченных[2] (см. табл. 1).

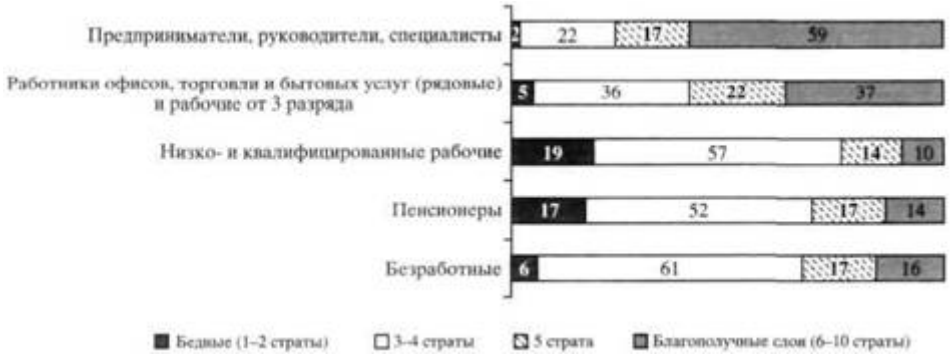
Как видно из таблицы, профессиональный портрет малообеспеченных и бедных в настоящее время в России близок к их традиционному портрету в обществах с развитыми рыночными экономиками: в основном это пенсионеры, низко- и неквалифицированные рабочие. Добавлю, что если посмотреть состав отдельных профессиональных групп, то вероятность оказаться в составе бедных и малообеспеченных слоев выше 50% только у неквалифицированных рабочих, безработных и неработающих пенсионеров (см. рис. 1).

Предприниматели, самозанятые, руководители всех уровней и специалисты (как гражданские, так и военные) в массе своей в состав малообеспеченных слоев не попадают, причем по каждой из этих социально-профессиональных групп в отдельности этот принцип также соблюдается. Что касается, так называемого "линейного"

Статья подготовлена в рамках реализации индивидуального исследовательского проекта РГНФ N 08-01-0068, выполняемому при поддержке ГУ-ВШЭ, и проекта N 09-03-00538а.

[1] Что касается других, не связанных напрямую с рыночными позициями индивидов, факторов и причин малообеспеченности (низких трансфертных выплат, прежде всего пенсий, высокой иждивенческой нагрузки и т.д.), то это предмет особого анализа, и он находится вне пределов моего рассмотрения.

[2] Данные о методике, репрезентативности исследования, количестве опрошенных изложены нами также в предыдущей статье.



Данное обозначение страт используется также в рис. 4, 5.

Рис. 1. Вероятность для представителей различных профессиональных статусов попасть в состав тех или иных страт, выделенных по уровню жизни (%)

персонала офисов, а также рядовых работников торговли, то картина распределения по стратам в этих группах очень близка, и при обработке данных в подпрограмме Chaid программы SPSS они объединяются с точки зрения характера их связи с переменной, характеризующей принадлежность к той или иной страте, в одну группу, для представителей которой вероятность попасть в состав бедных очень низка, оказаться в составе малообеспеченных 3 - 4 страт, с одной стороны, и благополучных 6 - 10 страт, с другой, - практически одинакова, и где максимальна доля представителей пограничной 5-й страты[3]. Что же касается неквалифицированных рабочих, пенсионеров и безработных, то они оказываются в массе своей именно малообеспеченными. При этом, если из числа безработных вывести домохозяев, оставив только реальных безработных, то картина распределения их по стратам практически совпадет с картиной по неквалифицированным рабочим.

Таким образом, *малообеспеченные в сегодняшней России - это в массе своей представители типичных именно для "классических" низших классов профессиональных статусов, которые характеризуются с точки зрения их позиции на рынке труда тем, что они могут предложить на нем лишь свою "простую физическую способность к труду ", которая заведомо не может обеспечить достаточных для благополучного уровня жизни доходов* - ведь в условиях фактической открытости границ для мигрантов из-за рубежа, в основном устремляющихся на этот же сегмент рынка труда, на нем формируется "рынок покупателя" с соответствующим демпингом стоимости рабочей силы такого качества за счет переизбытка ее предложения. И нельзя не согласиться с М. Кастельсом в том, что в условиях глобализирующегося мира будущее этой группы, которую он называет "родовая рабочая сила", подчеркивая тем самым отсутствие у нее дополнительных конкурентных преимуществ, связанных с качеством ее человеческого капитала, достаточно плачевно [1].

При этом наблюдаются значительные различия в социально-профессиональном составе как малообеспеченных и бедных слоев, так и разных подгрупп самих малообеспеченных (см. табл. 1). Среди бедных значительное большинство (75%) - это пенсионеры, низко- и неквалифицированные рабочие и безработные. Причем пенсионеры в этой группе в массе своей по своему прошлому профессиональному статусу также

[3] Как было показано в первой статье, самой характерной особенностью нынешних представителей этой страты является то, что это в массе своей представители малообеспеченных слоев, сумевшие буквально накануне экономического кризиса обеспечить себе стандарт жизни, на первый взгляд, уже не позволяющий говорить применительно к ним о малообеспеченности. Однако на самом деле это лишь "мутировавший" вариант малообеспеченности с ее типичными особенностями - невозможностью добиться качественных сдвигов к лучшему в своей жизни, а не просто купить новый дешевый телевизор, неустойчивостью экономического положения, практически полным отсутствием "запаса прочности" и т.д.

Таблица 1

Социально-профессиональный состав различных социальных групп *(% числу опрошенных по группам)*

Социально-профессиональные группы	Бедные слои	3 страта	4 страта	5 страта	Благополучные слои
Представители нефизического труда	***17***	***25***	***55***	***40***	***60***
Предприниматели и самозанятые	-	-	1	1	3
Руководители всех уровней	2	1	2	2	7
Специалисты (включая	4	7	12	17	28
офицерский состав)					
Офисный персонал	6	9	11	9	10
Рядовой работник торговли или	5	8	9	11	12
сферы бытовых услуг					
Рабочие	***30***	***34***	***32***	***37***	***26***
от 5 разряда	6	*9*	9	15	14
3 - 4 разряд	13	18	15	18	11
1 - 2 разряд и без разряда	11	7	8	4	1
Неработающие	***53***	***41***	***33***	***23***	***74***
Пенсионеры	45	36	28	19	8
Студенты ВУЗов, техникумов и т.д.	2	1	1	2	5

Безработные и другие неработающие	6	4	4	2	1

низко- и неквалифицированные рабочие. Образовательный уровень их очень низок - достаточно сказать, что 44% неквалифицированных рабочих и 40% пенсионеров в числе бедных не имеют даже среднего общего образования, что абсолютно нехарактерно для ситуации по стране в целом.

Похожая картина и в 3-й страте, балансирующей с точки зрения своего уровня жизни на грани бедности. Только все характерные особенности профессиональных статусов бедных в ней слегка сглажены, и экономически неактивное население уже не составляет в ней большинства. Относительно меньше в ней и доля пенсионеров, причем пенсионеры эти имеют, как правило, полное среднее и даже среднее специальное образование. Однако они по-прежнему остаются самой массовой группой в ее составе. Заметно выше, чем среди бедных, в 3-й страте доля рабочих средней квалификации и относительно меньше - неквалифицированных рабочих. Еще ярче эти особенности проявляются в 4-й страте, которая, к тому же, имеет еще одну важную особенность - в ней в достаточно массовом масштабе (25%) начинают появляться представители "белых воротничков", прежде всего специалисты и линейный персонал офисов.

В 5-й страте впервые самой массовой группой становится группа работников нефизического труда, хотя доля руководителей и специалистов - двух типов профессиональных статусов, безоговорочно относимых всеми специалистами к характерным для среднего класса - не достигает в ней и 20%. Это почти вдвое меньше, чем в более благополучных с точки зрения их уровня жизни 6 - 10-й стратах, в составе которых находится свыше 60% всех представителей этих профессиональных статусов. Соответственно, выше и образовательный уровень представителей этой страты, причем даже среди входящих в нее пенсионеров свыше 70% имеют уже среднее специальное (44%) и высшее (27%) образование. Таким образом, эта страта объединяет, во-первых, наиболее образованную и благополучную часть пенсионеров, во-вторых, рядовых работников, чей труд, хотя и не является физическим, все же не относится и к умственному труду и не предполагает высокого уровня квалификации, в-третьих, квалифицированных рабочих, в-четвертых, относительно небольшую часть руководителей и специалистов.

Что же касается благополучных с точки зрения их уровня жизни слоев населения, то они имеют принципиально иную профессиональную структуру - большинство в них

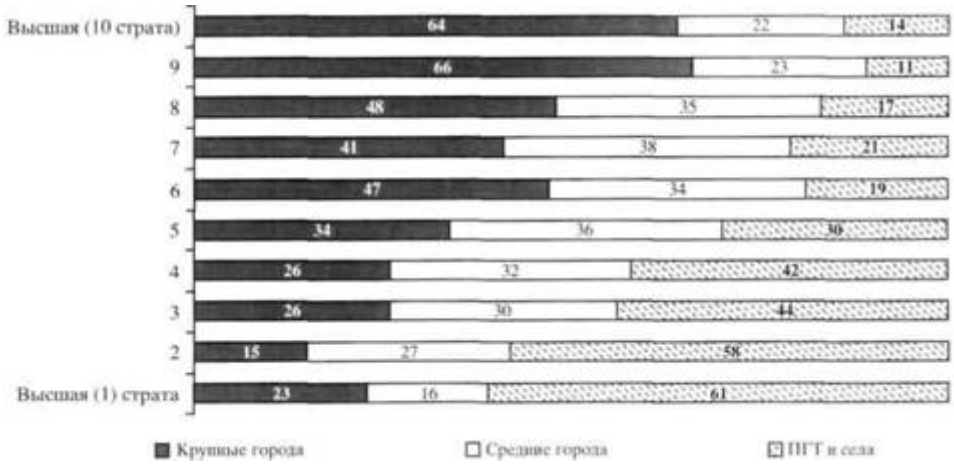


Рис. 2. Место жительства представителей различных страт, выделенных по их уровню жизни (%)

составляют лица нефизического труда, максимальна доля студентов и минимальна - пенсионеров и безработных, а те пенсионеры, которые входят в их состав, в основном (59%) имеют высшее образование и лишь в 15% случаев - не выше среднего общего.

Как видим, *малообеспеченность в России имеет сегодня уже довольно четкую привязку к профессиональным статусам.* Однако, учитывая, что в составе малообеспеченных немало (13%) представителей руководителей и специалистов, которые обычно не попадают в развитых рыночных экономиках в их число, важно понять, что же это за люди, и чем они отличаются от своих более благополучных "коллег". Как показал проведенный анализ, для них в целом характерны три особенности. Во-первых, они в среднем имеют более низкий уровень образования по сравнению с более благополучными представителями тех же профессиональных статусов и меньшее число лет дневного обучения даже при формально одинаковом уровне образования. Во-вторых, у них меньший ресурс влияния на работе, меньшая степень автономности труда и социальной защищенности[4]. И в-третьих, они относительно чаще сосредоточены в так называемой "малой России" (малые города, поселки городского типа и села, в которых малообеспеченность вообще встречается гораздо чаще - см. рис. 2). Эта тенденция сохраняется даже с учетом различий в профессиональной структуре разных типов поселений, т.е. специалист или рядовой работник торговли в малом городе, поселке городского типа или на селе имеют значительно больше шансов попасть в состав малообеспеченных, чем в крупном городе[5].

Все три перечисленные выше характеристики напрямую отражают специфику позиций малообеспеченных с нехарактерными для этого социального слоя профессиональными статусами в производственных отношениях, свидетельствующие о неслучайности их экономического статуса. Первая - поскольку говорит о качественных особенностях человеческого капитала, который они предлагают на соответствующем рынке. Вторая - поскольку отражает слабость их переговорных позиций в отношениях с работодателями, связанную с избыточным предложением рабочей силы такого же качества, как та, которую они предлагают на рынке труда. Третья - поскольку она демонстрирует роль ситуации на локальных рынках труда для возможности занятия

[4] Различаясь по каждому из индикаторов, относившихся к этим трем показателям, на 5 - 15%, эти различия приобретали у представителей характерных для среднего класса статусов, оказавшихся в составе малообеспеченных или благополучных слоев населения, за счет кумулятивного эффекта качественный характер и демонстрировали картину существенных различий в занимаемых ими рабочих местах.

[5] От связи их положения с особенностями их домохозяйств, а также полом, возрастом, здоровьем и другими демографическими характеристиками я в данном случае отвлекаюсь.

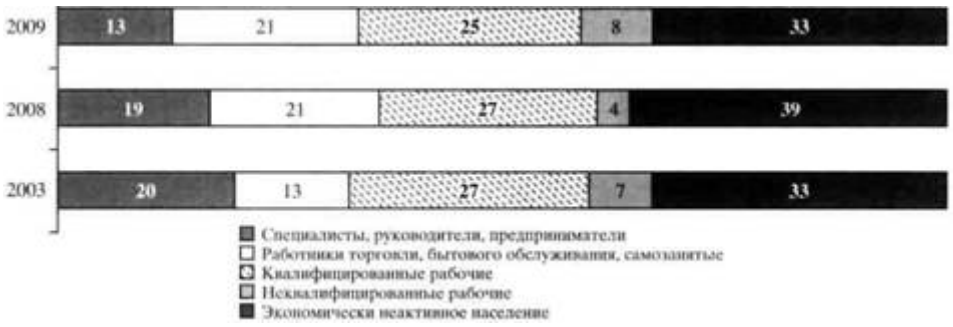


Рис. 3. Социально-профессиональный состав малообеспеченных *(%, по годам*)

определенных профессиональных позиций (так, например, для занятия должности специалиста в поселке городского типа или райцентре оказывается достаточным человеческий капитал относительно худшего качества, чем в крупных городах, а обратной стороной этого выступает относительно меньший уровень зарплаты). Вместе эти три особенности свидетельствуют о том, что *мы имеем дело с периферийными для данных профессиональных статусов структурными позициями, которые именно в силу своего периферийного характера не обеспечивают занимающим их работникам уровень жизни, сопоставимый с тем, который имеют более благополучные из профессиональных статусов.*

С учетом сказанного, для оценки перспектив малообеспеченности в России очень важно понять - каков же вектор изменения профессиональной структуры малообеспеченных, растет или сокращается среди них доля нехарактерных для малообеспеченных слоев в развитых экономиках профессиональных статусов? Причем вопрос этот распадается на два самостоятельных подвопроса - как развивалась ситуация в этой области в благополучный период (2003 - 2008 гг.), и как на нее влияет развитие депрессивных тенденций в экономике страны (2008 - 2009 гг.) (см. рис. 3).

Как видим, *в плане динамики состава малообеспеченных последние годы характеризовались двумя основными тенденциями. Во-первых, доля экономически неактивного населения в составе малообеспеченных в благополучный для экономики страны период несколько выросла (с 33 до 39%), а затем, в условиях кризиса, вновь сократилась до тех же 33%.* При этом для неквалифицированных рабочих, и в меньшей степени для неработающих пенсионеров, составляющих подавляющее большинство экономически неактивной части малообеспеченных, риск оказаться в состоянии малообеспеченности в период кризиса вырос, хотя риск бедности для них не увеличился (см. рис. 3 и 4). А *во-вторых, доля нехарактерных для малообеспеченных профессиональных статусов (специалисты, руководители, предприниматели, имеющие наемных работников) за этот период в структуре занятости малообеспеченных в полтора раза сократилась, т.е. они достаточно быстро начали выходить по мере завершения периода трансформации российской экономики из состояния малообеспеченности,* и даже кризис не смог повлиять на эту общую картину.

Эти тенденции по-разному проявляли себя в период экономического роста и начавшегося экономического кризиса для отдельных профессиональных групп. Так, если говорить о неквалифицированных рабочих, то они выиграли от благоприятной для России экономической конъюнктуры в период высоких цен на нефть, но экономический кризис очень быстро расставил все по своим местам, и малообеспеченность стала характеризовать большую половину этой группы, хотя риск глубокой депривированности для них сократился (см. рис. 4). В то же время сокращение это было связано прежде всего с общим сокращением численности бедных, и вероятность попасть в число бедных для неквалифицированных рабочих сократилась за последние 6 лет

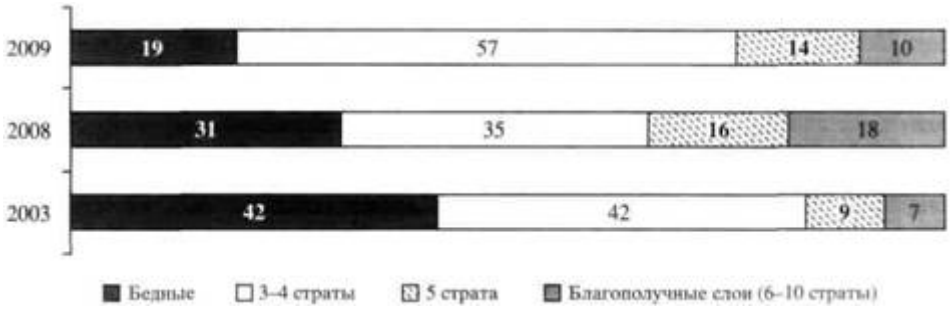


Рис. 4. Вероятность для неквалифицированных рабочих оказаться в числе малообеспеченных (*%, по годам*)

заметно меньше, чем для других групп населения. В итоге доля бедных в этой группе остается в 2,5 раза выше, чем в других социально-профессиональных группах.

Что же касается пенсионеров, то риск бедности заметно сократился и для них (см. рис. 5), однако для них даже в большей степени, чем для неквалифицированных рабочих, правильным является вывод об *относительном* ухудшении их положения на фоне улучшения *абсолютных* показателей по доле бедных. В итоге, если в 2003 г. доля бедных в составе пенсионеров превышала аналогичный показатель для населения в целом в 1,6 раза, то в 2009 г. она относительно выросла и превышение составило 2,1 раза.

С другой стороны, выход из бедности означал для представителей этой группы лишь переход на грань бедности и малообеспеченности (в 3-ю страту). Кроме того, кризис уже ощутимо сказался на ухудшении соотношения их текущих доходов и нового уровня цен на продукты, лекарства и другие предметы первой необходимости, которое пока не нашло отражения в тех более инерционных показателях, на основе которых рассчитывается индекс уровня жизни.

Что касается наличия в составе малообеспеченного населения профессиональных статусов, характерных для среднего класса, а также представителей рабочего класса и рядовых работников торговли и бытового обслуживания, то с ними складывается несколько иная картина. В 2009 г. среди руководителей и специалистов в состав малообеспеченных и бедных попали лишь 25%, причем среди имевших высшее образование, которое обычно подразумевается в западных странах как необходимое условие для занятия соответствующих профессиональных статусов, таковых был 21%. В этом плане картина в 2009 г. выглядела ближе к классическим моделям стратификации, чем в 2003 г., когда 27% малообеспеченных и бедных составляли руководители и специалисты с высшим образованием. Таким образом, *можно зафиксировать постепенный выход этой группы россиян из числа малообеспеченных, причем процесс этот уже практически завершился, и те немногие, кто еще находится в составе 3 и 4-й страт - это в основном, как уже отмечалось выше, представители периферийных для специалистов и руководителей статусов.* С 5-й стратой картина сложнее, так как в ней на жизненных шансах и уровне жизни представителей характерных для среднего класса профессиональных статусов очень сказываются особенности локальных рынков труда и сектор занятости, причем влияние это зачастую имеет разнонаправленный характер. Так, что *ресурс роста российского среднего класса за счет этой группы теоретически еще есть, но очень небольшой, и в 2008 г. - период максимальной численности российского среднего класса, когда он достиг трети всего населения - был почти полностью исчерпан* [2].

Если же говорить о рядовых работниках торговли и бытового обслуживания, то картина с ними неоднозначна, поскольку сама по себе эта группа имеет очень пестрый характер - один ее полюс представляет высокообразованных людей, занятых в офисах, построенных по международным стандартам торговых сетей, а другой - уличных

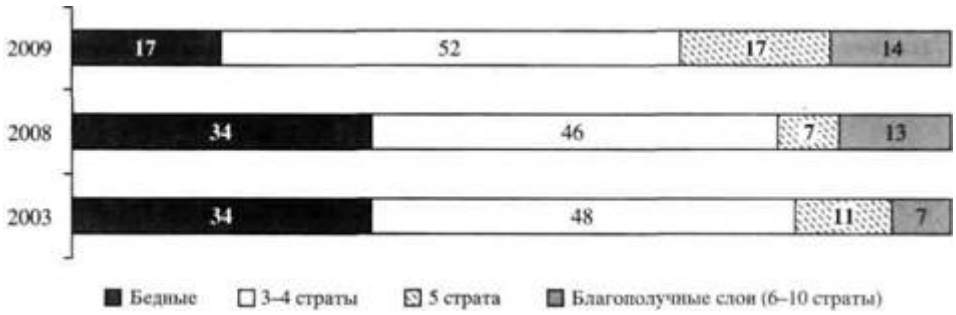


Рис. 5. Вероятность для неработающих пенсионеров оказаться в числе малообеспеченных (*%, по годам*)

торговцев, продавцов в торговых палатках или даже торгующих "с рук". Тем не менее, общий вектор развития ситуации ясен и для них. В их составе за последние 6 лет стало чуть меньше представителей бедных и малообеспеченных, при этом в составе экономически активной части малообеспеченных их доля также имеет тенденцию к незначительному уменьшению.

Таким образом, *малообеспеченные в России в последние предкризисные годы все больше характеризовались именно теми особенностями их состава, которые типичны для состава малообеспеченных слоев населения в развитых странах. Рост же благополучных слоев в России в последние годы шел относительно чаще за счет малообеспеченных, которые в основном работали руководителями разного уровня и специалистами, т.е. нетипичных для них профессиональных статусов.* В итоге межслоевой миграции, в ходе которой наименее люмпенизированная часть бывших бедных перешла в состав малообеспеченных, а рост благополучных слоев шел за счет наиболее квалифицированной части бывших малообеспеченных, профиль малообеспеченности изменился и стал больше походить на "классический". В то же время численность малообеспеченных до сих пор остается непомерно большой с точки зрения типичной структуры стран, переходящих от индустриального к позднеиндустриальному этапу развития, что связано с чрезмерной глубиной социальных неравенств в современной России и очень низким уровнем медианных доходов.

Разразившийся экономический кризис усилил эти тенденции. В итоге можно *констатировать заметные изменения профессиональной структуры малообеспеченных и дальнейшее сокращение среди них доли нехарактерных для малообеспеченных слоев в развитых экономиках профессиональных статусов.* Интересно, что тенденция эта проявляется в России ярче именно в период ухудшения общей экономической ситуации, когда, видимо, жестче начинают работать законы рыночной экономики, и связь качества человеческого капитала, профессионального статуса, уровня жизни оказывается более жесткой. При всей трагичности с гуманитарной точки зрения последствий кризиса для миллионов людей это, несомненно, позитивная тенденция.

В связи с усилением этой тенденции следует более подробно сказать и об особенностях **человеческого капитала** различных слоев населения, а также о характерных для них поведенческих паттернах по отношению к нему - ведь именно от этого зависит, насколько высоки шансы нынешних малообеспеченных занять более эффективное рабочее место даже при появлении таковых в российской экономике. Начнем с формального показателя - *уровня образования.* В благополучных слоях (6 - 10 страты) подавляющее большинство работающих (86%) имеет профессиональное образование минимум второй ступени, в том числе, почти половина - высшее. В 5-й страте их доля меньше (72%), но высшее образование имеют уже около четверти. Схожая картина и у 3 - 4-й страт. У бедных же половина не имеет специального профессионального образования - впрочем, учитывая наиболее характерный для них профессиональный статус (неквалифицированные рабочие), это неудивительно.

Таблица 2

Зависимость уровня жизни представителей разных социальных слоев от уровня образования их отцов (*%*)

Уровень образования отца	Слои			
	Бедные	3 - 4 страты	5 страта	Благополучные слои (6 - 10 страты)
Неполное среднее	***51***	**36**	28	12
Общее среднее	17	**28**	27	20
Среднее специальное	18	23	26	**35**
Незаконченное высшее	4	1	1	3
Высшее	2	5	11	**22**
Два высших образования или магистратура, кандидат или доктор наук	0	0	0	**3**
Не ответили или не знают	8	7	7	5

Особо отметим, что *доступ к образованию* для представителей разных слоев в настоящее время не только объективно различен, но и субъективно воспринимается ими как одно из наиболее значимых социальных неравенств: малообеспеченные оценивают свои возможности получить необходимое образование и навыки как плохие примерно вдвое чаще, чем представители благополучных слоев населения. Более того - 1,5 - 2-кратный разрыв сохраняется в каждой из различающихся уровнем своего образования подгрупп этих слоев. Так, среди лиц с высшим образованием по малообеспеченным и благополучным слоям соотношение оценивающих свои возможности в этой области как плохие составляет 23:11, со средним общим образованием - 45:27.

В итоге совмещения худшего базового образования и отсутствия возможностей по "добору" необходимых знаний после его завершения не только образовательный уровень, но и набор востребованных на рынке труда *навыков,* характерных для малообеспеченных и благополучных слоев, также оказывается существенно различен: 56% работающих малообеспеченных и лишь 26% таковых из благополучных слоев не умеют пользоваться компьютером, 70 и 38% соответственно - Интернетом. Что же касается владения иностранным языком, то это практически полностью прерогатива благополучных слоев, хотя и в них он является достаточно редким. При этом навыки работы на компьютере уже не рассматриваются как весомое конкурентное преимущество для рынка труда в городах, скорее они воспринимаются здесь как необходимый элемент рабочей силы. А это значит, что отсутствие этого навыка у малообеспеченных может оказаться препятствием для их профессиональной и карьерной мобильности даже в случае улучшения ситуации в экономике.

На специфике структурных позиций, занимаемых малообеспеченными в системе производственных и в целом рыночных отношений, сказываются, впрочем, не только особенности человеческого, но и **культурного капитала**. Его важнейшей характеристикой выступает среда первичной социализации, и прежде всего уровень образования взрослых в семье, где проходила его социализация. Как видно из таблицы 2, *для того, чтобы принадлежать сегодня в России к благополучным слоям населения, надо, как правило, быть выходцем из семьи, в которой отец имел образование не низке, чем среднее специальное*[6].

[6] В этой связи стоит отметить, что показатели статистической значимости принадлежности к тому или иному социальному слою и характеристик образования отца были очень высокими. На первый взгляд, это представляется странным - в стратификационных теориях обычно считается, что образование матери позволяет точнее замерить принадлежность к тому или иному социальному слою в период первичной социализации. Однако в России достаточно широко распространены маргинальные по своему составу домохозяйства, где женщина имеет высшее образование (работая, как правило, в бюджетной сфере), а мужчина занимается высокооплачиваемым физическим трудом [3]. Если в этих условиях отец респондента имел высшее образование, значит домохозяйство, где прошла первичная социализация респондента, устойчиво входило в состав образованных слоев. А значит, в нем обеспечивалась заведомо лучшая межпоколенческая ретрансляция характерных именно для этих слоев жизненных установок и поведенческих практик.

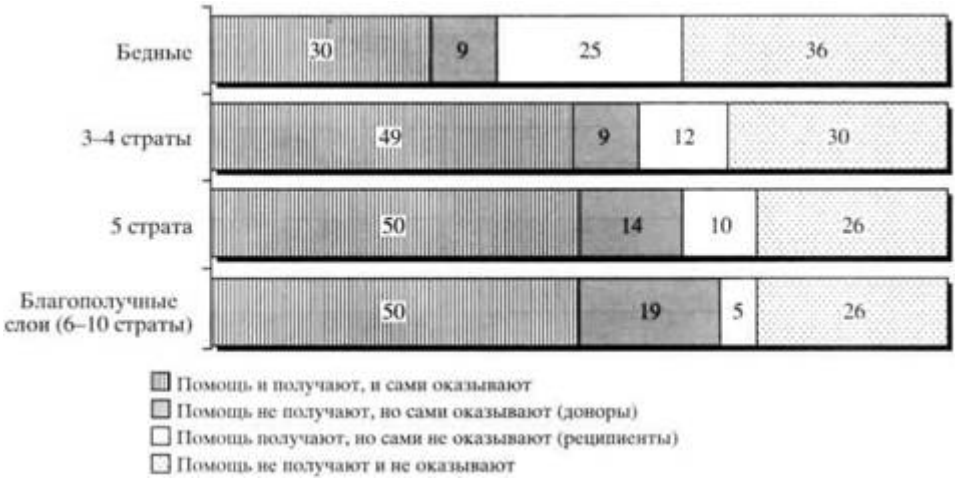
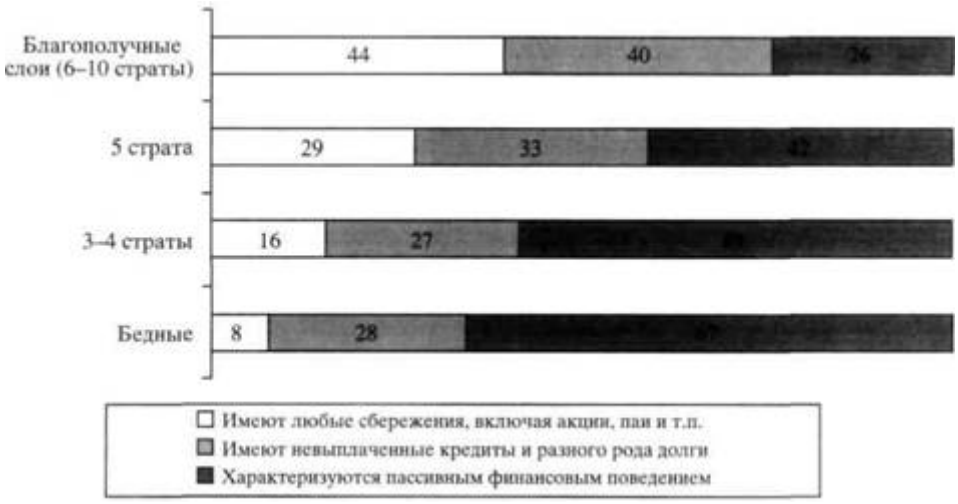


Рис. 6. Включенность в социальные сети представителей различных социальных слоев (*%*)

Если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны, и оценить вероятность попадания в состав различных слоев, то оказывается, что для тех, чей отец имел среднее специальное образование, вероятность попасть в благополучные 6 - 10 страты составляет чуть менее 50%, хотя среди выходцев из семей, где отец имел высшее образование, уже свыше двух третей. *В современной России подтверждается концепция П. Бурдье о роли культурного капитала в воспроизводстве классов и закреплении привилегированных классовых позиций в зависимости от наличия именно этого вида капитала.* В то же время, наличие достаточно большого числа внеклассовых по своему характеру факторов (место жительства, специфика здоровья, состав домохозяйства и т.д.), оказывающих заметное влияние на уровень жизни человека, приводит к тому, что далеко не все выходцы из образованных семей оказываются в составе благополучных.

Тем не менее, если рассматривать ситуацию в целом, можно констатировать, что *человеческий и культурный капитал малообеспеченных слоев заметно отличается и от ситуации у работающей части бедных, с одной стороны, и от ситуации у благополучных слоев, с другой. Это позволяет представителям последних претендовать на иные по качеству, даже при формальном сходстве профессиональных статусов, рабочие места.* При этом специфика локальных рынков труда проявляется прежде всего в том, что миграция для выходцев из групп с разным качеством культурного капитала в более крупные населенные пункты, где есть платежеспособный спрос на человеческий капитал достаточно высокого качества, имеет смысл лишь для тех из них, кто плюс к развитому человеческому (образовательному, квалификационному) обладает также развитым культурным капиталом [4]. Следовательно, учитывая относительно низкие для большинства малообеспеченных показатели культурного капитала, миграция также не является для них эффективным путем выхода из их нынешнего состояния.

Человеческий и культурный капитал - далеко не единственные виды активов, которые влияют на уровень благосостояния. Не менее важным их видом является **социальный ресурс**, т.е. доступ к социальным сетям поддержки и взаимопомощи. Однако, поскольку социальная сеть предполагает взаимность обмена товарами и услугами, то и перспективы участия индивида в социальных сетях прямо зависят от принадлежности человека к определенному социальному слою (см. рис. 6). Не останавливаясь подробнее на этом вопросе [см. об этом: 5], замечу, что в условиях кризиса картина включенности в социальные сети во всех слоях населения пока практически не изменилась.



Часть имеющих сбережения россиян одновременно имеет и долги, поэтому сумма подгрупп в каждой из представленных на рисунке групп более 100%

Рис. 7. Модели финансового поведения представителей различных слоев (*%*)

При этом *специфика малообеспеченных в отношении их социальных сетей заключается в том, что они в массе своей, как и представители, кстати, благополучных слоев, являются в этих сетях активными и полноправными участниками. В то же время, если говорить о механизме функционирования этих сетей, надо подчеркнуть, что в отличие от относительно благополучных слоев, малообеспеченных характеризует отсутствие доступа к наиболее дефицитным и важным формам поддержки со стороны социальных сетей* (помощь в трудоустройстве на "хорошую" работу или в получении возможностей дополнительного заработка, содействие в доступе к должностным лицам, от которых зависит решение тех или иных проблем и т.п.). По всем этим видам ресурса показатели по малообеспеченным в 2 - 2,5 раза ниже, чем у благополучных слоев. В итоге, с одной стороны, представители малообеспеченных слоев действительно ощущают повседневную поддержку окружения, а с другой, - этот тип поддержки не может качественно изменить их нынешнего положения, а, следовательно, *ресурс их сетей не может рассматриваться как реальный актив, способный оказать значимое воздействие на их положение и перспективы его улучшения.*

Рассмотрим также компоненты социально-экономического статуса малообеспеченных, связанные с наличием у них других активов, которые можно было бы реализовать или использовать на рынках капитала, товаров и услуг. Начнем с финансовых ресурсов. Как видно из данных (см. рис. 7), большинство малообеспеченных практически не имеет сбережений, а также акций или других финансовых инструментов. Лишь 29% в 5-й страте и 16% в 3 - 4-й стратах заявляют о них. Что же касается относительно крупных сбережений (достаточных, чтобы семья могла прожить на них не менее года и их можно рассматривать в качестве капитала), то они присутствовали в феврале 2009 г. у статистически незначимой доли малообеспеченных (и у 12% представителей благополучных слоев). Таким образом, *если на рынок труда малообеспеченные выходят с человеческим капиталом относительно низкого качества, то на рынок финансового капитала им выходить просто не с чем.*

Если говорить о различных видах имущества, достаточно ликвидного для того, чтобы в случае его продажи можно было получить средства, сопоставимые с доходами от занятости или бизнеса хотя бы за несколько месяцев, то и эта картина по малообеспеченным в целом незавидная. Фактически в роли такого имущества для них

может выступать лишь недвижимость, прежде всего, жилая. Альтернативой ей могли бы служить сравнительно новые автомобили, но 73% в 3 - 4-й стратах и 50% в 5-й страте автомобилей не имеют (по благополучным слоям населения этот показатель составляет 24%). Причем имеющиеся у малообеспеченных автомобили в подавляющем большинстве не просто дешевые, а старые отечественные. Почти две трети их старше 7 лет, и лишь у статистически незначимой доли малообеспеченных им не более одного года.

Что касается другой недвижимости (помимо жилья), то ее не имеют от 31% в благополучных слоях, до 50 - 68% - в малообеспеченных. Большинство последних не имеют ни дач или садово-огородных участков (с домом или без него), ни гаража, ни второго жилья. При этом среди них вообще нет собственников второго жилья, которое можно было бы сдавать в аренду или безболезненно продать, лишь каждый десятый имеет гараж или место на коллективной стоянке, 16% - землю (как отмечалось выше, многие представители малообеспеченных слоев - это сельские жители), 12% - садовый участок без дома и 18% - садовый участок с домом. В основном это довольно дешевое имущество. И применительно к анализу перспектив малообеспеченности в России это значит, что *даже в случае его выхода на соответствующие товарные рынки, оно не может рассматриваться как реальный экономический ресурс этого слоя, способный в принципе или хотя бы на сколько-нибудь продолжительное время изменить положение его владельцев.*

Особенно же тревожно то, что доля имеющих даже такое недвижимое имущество в составе малообеспеченных слоев за последние годы заметно сократилась. Так, в 2003 г. в 3 - 4-й стратах его не имели около 40% (при 58% в 2009 г.), а в 5-й - треть (при половине в 2009 г.). Это значит, что в последние 6 лет шла постепенная распродажа или просто утрата (например, огородный участок мог быть заброшен, гараж-ракушка снесен и т.д.) малообеспеченными соответствующих видов недвижимого имущества с одновременным обновлением и даже подчас приростом движимого домашнего имущества. Таким образом, за утверждением нового потребительского стандарта жизни скрывалось реальное сокращение ресурсной базы малообеспеченных, в том числе, и за счет сокращения инвестиций в свой человеческий капитал и детей. На тех сегментах рынка труда, на которые они в массе своей выходят, качественный человеческий капитал сам по себе не слишком способствует повышению конкурентоспособности работника, а следовательно, для многих из них подобная расстановка приоритетов была рациональна и экономически обоснована. Других же рабочих мест российская экономика им просто не предлагает.

С точки зрения стратегических перспектив эволюции малообеспеченности в России *деградация ресурсного потенциала малообеспеченных означает дальнейшее ухудшение их положения и углубление разрыва между ними и благополучными слоями.* Причем даже в период быстрого экономического роста этот разрыв лишь углублялся, а в условиях экономического кризиса он стал уже, видимо, непреодолимым, и далее *российскому государству в его социальной политике придется исходить из того, что низкоресурсными (т.е. не имеющими никаких значимых ресурсов для удовлетворения своих базовых социальных потребностей - в жилье, платном лечении, дополнительном образовании и т.д.) являются около 60% населения, а не те 8 - 12%, которые попадают в зависимости от ситуации в российской экономике в число представителей глубокой бедности.*

Более того, для малообеспеченных характерен ряд специфических особенностей сознания, круга общения, поведенческих практик и т.д. [см. 5], также способствующих консервации их нынешнего положения. Очень важно и то, что процесс углубления разрыва с представителями благополучных слоев населения в полной мере затронул в последние годы также 5-ю страту, представители которой сегодня располагают гораздо меньшим экономическим ресурсом и худшим человеческим капиталом, чем в 2003 г., и, как уже отмечалось выше, по всем качественным особенностям их жизни оказываются гораздо ближе к 3 - 4 стратам, чем к благополучным слоям населения.

Таким образом, *демонстративно текущее потребление, которое столь увлекло в последние годы россиян, и ради которого они залезали в долги и даже частично распродавали имеющееся недвижимое имущество, привело, с одной стороны, к кажущемуся сокращению численности малообеспеченных в стране (и в этом плане можно сказать, что такое потребление достигло своей цели). Однако на самом деле численность малообеспеченного населения не сократилась, а выросла, что связано с переходом в состав малообеспеченных части бывших бедных. В итоге малообеспеченные и бедные слои после ряда лет "успешной " экономической конъюнктуры составляют в России сейчас в совокупности по-прежнему около 60%, а к числу малообеспеченных относится около половины населения страны.*

Образ и уровень жизни малообеспеченных имеет ярко выраженную специфику, которую необходимо учитывать при планировании мероприятий государственной социальной политики. Стандарт их жизни предполагает, что текущие доходы в целом позволяют им удовлетворять первоочередные нужды - досыта, хотя и без деликатесов, питаться, приобретать необходимую, пусть и самую дешевую, одежду. В то же время попытка дать детям любое дополнительное образование, оплатить даже недорогую операцию или приобрести хотя бы самую простую бытовую технику требует от них жесточайшей экономии на других статьях расходов. При этом, если характерным отличием от бедных для малообеспеченных выступает достаточность средств на текущее потребление, то от среднего и даже рабочего классов их отличает отсутствие у большинства из них, как и у бедных, каких бы то ни было значимых стратегических ресурсов, которые можно использовать в случае ухудшения положения с текущими доходами. Это касается и недвижимости, и сбережений, и социального ресурса, и качественного человеческого капитала, которые могут быть мобилизованы в случае экстренной необходимости. Вот почему единственным рынком, на который они могут выйти, является рынок труда, но и на нем они предложат в качестве своего главного актива, как правило, лишь "простую способность к труду". Более того, в обозримом будущем за счет исчерпания их ресурсов можно ожидать интенсификации процесса люмпенизации значительной части малообеспеченных. Причем, судя по темпам динамики их состава и сокращения их ресурсов в последние годы, без изменения модели социально-экономической политики государства начала этой массовой люмпенизации ждать осталось недолго.

Как при оценке причин малообеспеченности в России, так и при определении ее перспектив, следует, видимо, учитывать, что малообеспеченность является в нашем обществе уже не феноменом, связанным на микроуровне случайным образом с трансформационными процессами, а *результатом наличия в нем группы особых позиций в системе производственных отношений. Позиций, специфика которых определяется наличием у тех, кто их занимает, или отсутствием любых востребованных на соответствующих рынках и должным образом оплачиваемых активов.*

В складывающихся условиях, видимо, правильнее было бы говорить уже не о малообеспеченности, а об активно идущем процессе ***превращения малообеспеченных в особый класс, находящийся в рамках вертикальной стратификации общества между средним и рабочим классами, с одной стороны, и формирующимся андерклассом, - с другой. Другими словами, речь идет о новом низшем классе,*** **формирующемся параллельно с андерклассом, в который и до кризиса все больше превращались российские бедные.** Ряды последних в условиях кризиса, в свою очередь, пополнятся, впрочем, бывшими малообеспеченными. Это частично изменит профиль российской бедности, замедлив, на первый взгляд, превращение российских бедных в андеркласс со всеми присущими ему особенностями культуры и поведения. Однако это улучшение (прежде всего, с точки зрения квалификационного и физиологического ресурса) будет столь же иллюзорным, как и сокращение численности малообеспеченных в предкризисный период. И то, и другое лишь маскирует все большее ухудшение ситуации как у хронических малообеспеченных, так и у хронических бедных, и мешает осознанию необходимости выработки новой модели государственной социально-экономической политики, адекватной складывающимся реалиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М: ГУ ВШЭ, 2000.

2. *Тихонова Н. Е., Мареева С. В.* Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009.

3. *Юдина О. А.* Численность и демографические особенности средних слоев российского общества // Социол. исслед. 2008. N 10.

4. *Лежнина Ю. П.* Социальные неравенства и социальная мобильность // Социальные неравенства и социальная политика в современной России. М.: Наука, 2008.

5. *Тихонова Н. Е.* Социальная стратификация российского общества: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007.